КОНСТИТУЦИЯ РОССИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

THE CONSTITUTION OF RUSSIA AND INTERNATIONAL LAW

УДК 342.4:341

DOI dx.doi.org/10.24866/1813-3274/2018-1-2/28-38

Ю. Ю. Попова¹

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

E-mail: popova.yuyu@dvfu.ru

КОНСТИТУЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Аннотация. В статье анализируются угрозы для государства, связанные с интернационализацией отрасли конституционного права. Автор приводит в качестве примера неблагоприятного последствия интернационализации отдельные решения Европейского Суда по правам человека, вынесенные против Российской Федерации. Анализируется доктрина конституционной идентичности, применённая Конституционным Судом России для преодоления конституционных рисков, возникающих в связи с обязанностью исполнить решения международного судебного органа. Категория «конституционная идентичность» появилось в российском конституционном праве сравнительно недавно. Впервые она была упомянута в постановлении Конституционного Суда от 14 июля 2015 г. № 21-П в связи с проверкой конституционности отдельных положений национального законодательства, а впоследствии более полно раскрыта в Постановлении высшего органа конституционного контроля России от 19.04.2016 г. №12-П по вопросу о возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека по делу «Анчугов и Гладков против России». Доктринальные подходы к определению понятия «конституционной идентичности» сформировались значительно ранее в зарубежной научной литературе в связи с влиянием глобализации на право и, как следствие, часто возникающими противостояниями в отношениях между национальными и наднациональными судебными органами. Таким образом, определённое влияние на

¹ Юлия Юрьевна Попова, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Юридической школы ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Попова Ю. Ю. Конституционная идентичность государства в условиях интернационализации конституционного права // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 4. С. 28–38.

формирование концепции национальной конституционной идентичности в России оказала зарубежная правовая доктрина и правоприменительная практика, в рамках которой значительно более продолжительное время идёт изучение конституционной идентичности как правового феномена. По справедливому замечанию председателя Конституционного Суда России В. Д. Зорькина, концепция национальной конституционной идентичности позволяет определять наиболее значимые положения Конституции РФ и основанного на них национального правового порядка и служит сдерживающим фактором, правовой преградой на пути «непредсказуемой активистской экспансии со стороны наднационального регулирования» [2].

Ключевые слова: конституционный риск, конституционная идентичность, общепризнанные принципы и нормы международного права, международный договор, конституционный контроль, Конституционный Суд Российской Федерации, Европейский Суд по правам человека, интернационализация.

Yu. Yu. Popova¹

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: popova.yuyu@dvfu.ru

CONSTITUTIONAL IDENTITY OF THE STATE IN THE CONTEXT OF INTERNATIONALIZATION OF CONSTITUTIONAL LAW

Abstract. The article analyzes the threats to the state associated with internationalization of the Constitutional Law branch. As an example of the adverse effects of internationalization, the author cites individual judgments of the European Court of Human Rights, issued against the Russian Federation. The Doctrine of Constitutional Identity applied by the Constitutional Court of Russia to overcome the Constitutional Risks arising from the duty to execute decisions of an international judicial body is analyzed. The category "Constitutional Identity" has appeared in the Russian Constitutional Law relatively recently. It was first mentioned in the Decree of the Constitutional Court of July 14, 2015 No. 21-P in connection with verification of the constitutionality of certain provisions in the national legislation, and later more fully disclosed in the Resolution of the supreme body of constitutional control of Russia of April 19, 2016 No. 12-P on the issue of the possibility of enforcing the ruling of the European Court of Human Rights in the

¹ Yulia Yu. Popova, PhD, Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Popova Yu. Yu. Constitutional identity of the state in the context of internationalization of constitutional law // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2018. N 4. P. 28–38.

case of *Anchugov and Gladkov vs. Russia*. Doctrinal approaches to the definition of the concept of "Constitutional Identity" were formed much earlier in foreign research literature in connection with the influence of globalization on Law and, as a result, often causing confrontations between national and supranational judicial bodies. Thus, a certain influence on the formation of the concept of national Constitutional Identity in Russia was exerted by foreign legal doctrine and law enforcement practice, within the framework of which Constitutional Identity as a legal phenomenon has been studied for a significantly longer time. According to the fair remark of the Chairman of the Constitutional Court of Russia V. D. Zorkin, the concept of national Constitutional Identity allows determining the most significant provisions of the Constitution of the Russian Federation and the national legal order based on them and serves as a deterrent, a legal obstacle to "unpredictable activist expansion by supranational regulation" [2].

Keywords: constitutional risk, generally recognized principles and norms of International Law, international treaties, constitutional control, the Constitutional Court of the Russian Federation, the European Court of Human Rights, internationalization.

Конституционное право лежит в основе каждой правовой системы. Как следствие, в условиях глобализации происходит взаимовлияние конституционного и международного публичного права. Интернационализация основополагающей отрасли приводит к трансформации в первую очередь таких важнейших институтов, как права человека, публичная власть, государственный суверенитет. Конституционное право определяет отношения не только на внутригосударственном уровне, но и принципы взаимодействия на международной арене.

В правовом регулировании современных государств существенную роль играют международно-правовые нормы, которые заметно влияют на национальные правовые системы. Соответственно возрастает вероятность появления риска столкновения национального и международного регуляторов.

Сторонник теории транснационализма профессор П. Спиро утверждает, что глобальное межгосударственное регулирование предполагает пересмотр ряда ключевых конституционных доктрин. По мнению учёного, международные договоры могут разрушить даже систему прав человека, гарантированных конституциями. В конечном итоге последствием глобализации может стать как разрушение государств-наций, так и разрушение конституций [9].

В настоящее время наука конституционного права занимается поиском решений, позволяющих противостоять вышеназванным рискам. Как отмечает профессор И. А. Умнова-Конюхова, в современном развитии наблюдается тенденция возрастания роли конституционализма как идейной основы воздействия не только на

внутригосударственные (национальные), но и на международные публичные отношения в целях формирования и защиты стабильного, справедливого и демократического миропорядка, строящегося на общепризнанных принципах и нормах международного публичного и одновременно конституционного права, на равноправных и партнёрских отношениях между государствами, на механизмах разграничения конституционных полномочий между надгосударственными образованиями, государствами и их составными частями [9, с. 159].

Общепризнанные нормы и принципы международного права включены в систему национального права Российской Федерации. Конституцией Российской Федерации устанавливается приоритет международного договора перед отечественным законом (часть 4 статьи 15 Конституции РФ).

Согласно позиции Пленума Верховного Суда России, изложенной в Постановлении от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств, отклонение от которых недопустимо, а под общепризнанной нормой международного права – правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в качестве юридически обязательного. В Постановлении Пленума Верховного Суда России от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» отмечено, что общепризнанные принципы и нормы международного права находят своё отражение в международных пактах, конвенциях и иных документах (в частности, во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах).

Что касается международных договоров, то приоритетом перед законами России обладают лишь межгосударственные и межправительственные договоры, ратифицированные в форме федерального закона, опубликованного и вступившего в силу. Они имеют приоритет в отношении законов и подзаконных актов.

Ранее в научной литературе существовал спор о юридической силе общепризнанных принципов и норм международного права. Высказывалось даже мнение о приоритете данных положений перед Конституцией России. Окончательную точку в нём поставил Конституционный Суд, в соответствии с правовой позицией которого суды должны исходить из высшей юридической силы и прямого действия Конституции России и из приоритета общепризнанных принципов и норм международного права по отношению к внутреннему законодательству (Постановление Конституционного Суда от 28 июня 2007 г. № 8-П).

В 1998 г. Россия ратифицировала Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (далее – Европейская Конвенция). Органом, призванным осуществлять контроль за соблюдением конвенционных норм по индивидуальным жалобам и конкретным делам, является Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ).

Решения ЕСПЧ делятся на жёсткие (пилотные) и мягкие. Жёсткие принимаются в случае возникновения в государстве системной проблемы, которая приводит к нарушению прав значительного числа лиц. В таких решениях Суд обязывает государство внести изменения в национальное законодательство или скорректировать правоприменительную практику, тем самым предотвратить нарушения прав человека. Мягкие решения не содержат требований по изменению законодательства государства. Они предусматривают его обязанность по восстановлению нарушенных прав конкретного лица.

Высшие судебные инстанции России достаточно часто ссылаются на постановления Европейского Суда и используют в решениях его правовые позиции. Из практики ЕСПЧ российской правовой системой были восприняты такие принципы, как: соразмерность (пропорциональность) и правовая определённость. Решения Европейского Суда повлияли на либерализацию уголовного законодательства России, совершенствование процессуального законодательства (приняты УПК, АПК, ГПК), реформу пенитенциарной системы, повышение открытости работы судов, государственных органов и другие сферы [3, с.111].

В ноябре 2006 г. инициативная группа из авторитетных судей, учёных и парламентариев в докладе Комитету Министров Совета Европы предложила учредить процедуру направления высшими национальными судами в Страсбург запросов о консультативном заключении Европейской Конвенции и протоколов к ней, что способствовало бы диалогу судей и усилению «конституционной» роли ЕСПЧ [4, с. 38]. Таким образом, в 2013 г. был утвержден Протокол №16 к Европейской Конвенции. Необходимость в принятии данного документа возникла в связи с периодически возникающими противоречиями между Европейским Судом и национальными судами государств-участников Конвенции. Как правило, причиной разногласий было то, что в основе решений национальных судов лежали вековая практика, исторический опыт и специфика национального законодательства.

Следовательно, неисполнение решений ЕСПЧ не является российским феноменом. В 2004 г. Конституционный Суд Германии, при вынесении решения по делу Гергюлю, выразил правовую позицию, согласно которой основной закон государства не предусматривает отказа от суверенитета. Не противоречит цели приверженности международному праву, если законодатель в порядке исключения не соблюдает право международных договоров, при условии, что это является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих конституционных принципов [6, с. 1].

По мнению профессора В.И. Червонюка, «обоснованная Конституционным судом ФРГ концепция "ограниченной правовой силы постановлений Европейского суда по правам человека" <...>, остро заявившая о себе в последние годы в ряде стран Европы проблема сохранения национальной идентичности и традиционных ценностей, обусловившие возникновение в них феномена блокирующего внутригосударственного консенсуса, выступают достаточным фактическим основанием для признания за национальными государствами права на опровержение тех решений ЕСПЧ, которые создают риски для упразднения конституционно закрепленных в стране порядков и основ конституционного строя» [10, с. 63].

Для России предел уступчивости в отношениях Конституционного Суда и Европейского Суда наступил 8 лет назад. В 2010 г., а затем в 2013 г. ЕСПЧ было принято два решения, породивших конституционные риски для суверенитета России. Речь идет о Постановлении от 7 октября 2010 г. по делу «Маркин против России» и Постановлении от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России». В первом Постановлении позиция ЕСПЧ не совпала с позицией Конституционного Суда России, признавшего право на отпуск по уходу за детьми только для военнослужащих женщин соответствующим Конституции РФ, не нарушающим конституционные права заявителя. Такое ограничение высший орган конституционного контроля России посчитал соразмерным, связанным с обеспечением безопасности и обороноспособности страны. ЕСПЧ же усмотрел в законе России дискриминацию прав мужчин, проходящих военную службу, обосновав это равноправием женщин и мужчин. России рекомендовалось изменить соответствующие положения законодательства о военной службе для исключения поступления подобных жалоб в Европейский Суд в будущем.

Если в рассматриваемом Постановлении рекомендации касались изменения федерального законодательства, то в случае с решением ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России» возникла угроза для стабильности Конституции России. Проанализировав материалы государств-участников Совета Европы по данной проблеме, ЕСПЧ пришел к выводу, что статья 32 Конституции России, предусматривающая запрет голосовать лицам, находящимся в местах лишения свободы по приговору суда, нарушает статью 3 протокола №1 к Европейской Конвенции.

Рассматриваемое решение Европейского Суда является неисполнимым для России. «Исполнимость решения, – отмечает профессор А. Бланкенагель, – означает, что исполнение находится в руках обязываемого государства и его органов, что государство, если оно хочет, может исполнить решение. Акт принятия новой Конституции является ничем (и никем, и менее всего ЕСПЧ) не связанным актом волеизъявления суверена, то есть народа» [1]. Европейский Суд потребовал от Российской Федерации невозможного. *Ultra posse nemo tenetur*: никто не может быть обязан делать невозможное. При этом «невозможным» может быть то, что

является невозможным по объективным или по субъективным причинам. Этот принцип действует во всех правовых порядках, а также в международном праве» (например, статья 61 Венской конвенции о праве международных договоров).

Таким образом ЕСПЧ перешёл к расширенному применению мер общего характера. По мнению судьи Конституционного Суда России А. Н. Кокотова, используя данную практику, ЕСПЧ, по сути, преобразовал себя в полноценный нормоконтрольный орган. Однако это прямо не предусмотрено положениями Европейской Конвенции и не было условием её ратификации со стороны Российской Федерации» [5, с. 15].

Стало очевидным, что позиция наднационального судебного органа может стать одним из средств ослабления государства. С учётом этого был поставлен вопрос об усилении роли Конституционного Суда России как органа, способного защитить стабильность Основного закона страны.

Решения, впоследствии принятые Конституционным Судом, основываются на доктрине конституционной идентичности государства, до сих пор не получившей должного внимания в науке конституционного права России [2]. Определённое влияние на формирование концепции национальной конституционной идентичности в России оказала зарубежная правовая доктрина и правоприменительная практика, в рамках которой значительно более продолжительное время идёт изучение конституционной идентичности как правового феномена.

Конституционная идентичность – это совокупность внутригосударственных норм о базовых правах и конституционных ценностях, традициях народа, а также гарантирующих эти права, ценности и традиции норм об основах конституционного строя, позволяющая снизить вероятность между национальным и наднациональным правом, охраняющая народный и государственный суверенитет государства. Своему появлению упомянутая доктрина обязана неизбежному для современных государств процессу глобализации. Создание Европейского Союза, Совета Европы, а в связи с этим и появление наднациональных органов, чьи решения не всегда согласуются с национальными конституциями, заставили современные государства задуматься об охране конституционных традиций. Зарубежная конституционная юстиция давно применяет доктрину конституционной идентичности для обоснования наиболее сложных решений. При этом органы, осуществляющие конституционный контроль, часто исходят из того, что «именно писаная конституция является квинтэссенцией конституционной идентичности нации». Концепция конституционной идентичности позволила Конституционному Суду России определить наиболее значимые положения Конституции.

Профессор А. Райнер отмечает, что европейские государства перестают ощущать себя суверенными, поскольку при осуществлении своих полномочий они функционируют как транснациональные, что обуславливает необходимость использования конституционной идентичности конституционными и высшими суда-

ми европейских государств в качестве способа правовой защиты национальных конституционных ценностей от выходящей за разумные пределы наднациональной юстиции [7].

Профессор М. Тропер полагает, что конституционная идентичность проявляется в процессе выделения определённых сущностных принципов, которые отличаются от всех прочих норм конституции и на которые можно ссылаться для защиты самой конституции в случае существования для неё угрозы, способной нарушить связи между самой конституцией и народом, которому она призвана служить [8].

Неоднократно к определению понятия «конституционная идентичность» обращались и конституционные (высшие) суды различных стран мира. 26 января 2017 г. Конституционный суд Италии направил на повторное рассмотрение Суда Справедливости Европейского Союза (СЕС) дело «Таррико» (Tarrico) (C-105/14). В прилагаемом к направленному делу запросе Конституционный суд Италии отметил свое несогласие с позицией данного наднационального органа, утверждая, что национальная конституционная идентичность не была учтена Судом Справедливости, а в соответствии с Договором о Европейском Союзе при вынесении решений Суд Справедливости Европейского Союза должен удостовериться, что не нарушается идентичность ни одного государства-члена [2].

Лиссабонский договор о Европейском Союзе содержит категорию «национальная идентичность», часто отождествляемую в зарубежной правовой доктрине с понятием «конституционная идентичность». Согласно статье 4 (2) указанного договора Европейскому Союзу следует уважать равенство государств-членов, а также национальные идентичности государств-членов, при этом в указанной статье делается ссылка на основные политические и конституционные основы государства-члена Европейского Союза, и далее конкретизируется, что Европейский Союз должен уважать основные функции государства-члена Европейского Союза, включая сохранение территориальной целостности, обеспечение правопорядка и национальной безопасности.

Конституционный Суд России впервые упомянул доктрину конституционной идентичности и обосновал её применение при неисполнении решений Европейского Суда в Постановлении от 14.07.2015 N 21-П. Высший орган конституционного контроля пояснил, что взаимодействие европейского и конституционного правопорядка невозможно в условиях субординации, поскольку только диалог между различными правовыми системами является основой их надлежащего равновесия. Именно такого подхода призван придерживаться в своей деятельности Европейский Суд как межгосударственный субсидиарный судебный орган, и именно от уважения им национальной конституционной идентичности государств-участников Европейской Конвенции во многом зависит эффективность её норм во внутригосударственном правопорядке. Если Конституция Российской Федерации не позволяет

согласиться с отдельным постановлением Европейского Суда, Конституционный Суд обязан отразить это несогласие в своём решении. В то же время, признавая фундаментальное значение европейской системы защиты прав и свобод человека и гражданина, частью которой является постановление Европейского Суда, Конституционный Суд выразил готовность к поиску правомерного компромисса ради поддержания этой системы. Поводом к рассмотрению таких дел, по мнению Конституционного Суда, должен послужить официальный запрос компетентного федерального органа исполнительной власти.

Окончательная точка в деле «Анчугов и Гладков против России» была поставлена с принятием Конституционным Судом Постановления от 19.04.2016 № 12-П, в котором был применён механизм защиты конституционной идентичности государства. Высший орган конституционного контроля признал невозможность исполнения Постановления ЕСПЧ от 4 июля 2013 г. в части законодательного закрепления избирательных прав лиц, находящихся в местах лишения свободы по приговору суда, в связи с его прямым противоречием части 3 статьи 32 Конституции России. При этом Конституционный Суд указал, что законодатель вправе, последовательно реализуя принцип гуманизма в уголовном праве, оптимизировать систему уголовных наказаний, в том числе путём перевода отдельных режимов отбывания лишения свободы в альтернативные виды наказаний, хотя и связанные с принудительным ограничением свободы, но не влекущие ограничение избирательных прав. Таким образом, не нарушая Основного закона государства, возможно частично исполнить решение ЕСПЧ.

Подводя итог сказанному, можно отметить, что с помощью позиций Конституционного Суда Российской Федерации, положившего в основу своих решений доктрину конституционной идентичности России, был определён механизм преодоления рисков, обусловленных интернационализацией конституционного права России. Решение вопроса о возможности исполнения Россией решений наднациональных судебных органов предусмотрено в следующих процедурах: 1) рассмотрение Конституционным Судом России по запросу Министерства юстиции как органа, ответственного за исполнение решений межгосударственных органов, вопроса об исполнении таких решений; 2) рассмотрение Конституционным Судом запроса суда о проверке конституционности закона, подлежащего применению в конкретном деле, при том, что данный закон признан ЕСПЧ нарушающим конвенционные права граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бланкенагель, А. «Прощай, Совет Европы!» или «Совет Европы, давай поговорим!?» : Комментарий к постановлению Конституционного Суда России от 19 апреля 2016 года об исполнимости Постановления ЕСПЧ по делу Анчугова и Гладкова от 4 июля 2013 года // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 6. – С. 135–150.
2. Зорькин, В. Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика // Журнал конституционного правосудия. – 2014. – № 4 (58). – С. 1–18.
3. Интернационализация конституционного права: современные тенденции : монография / под ред. Н. В. Варламовой, Т. А. Васильевой. – М. : ИГП РАН, 2017. – 224 с.
4. Ковлер, А. И. Соотношение европейского и национального права – обострение проблемы // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. – М., 2015. – С. 19–64.
5. Кокотов, А. Н. О некоторых изменениях законодательства о Конституционном Суде Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. – 2014. – № 5 (59). – С. 15–19.
6. Маврин, С. П. Решения Европейского Суда по правам человека в правовой системе России // Журнал конституционного правосудия. – 2015. – № 6 (48). – С. 1–6.
7. Rainer, A. Constitutional identity in European constitutionalism [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.constcourt.md/public/files/file/conferinta_20ani/programul_conferintei/Rainer_Arnold.pdf.
8. Troper, M. Behind the Constitution? The Principle of Constitutional Identity in France // Constitutional Topography: values and Constitutions / ed. by A. Sajo, R. Uitz. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – P. 187–202.
9. Умнова-Конюхова, И. А. Современное понимание предмета конституционного права в условиях бинарного развития внутригосударственного (национального) и международного права // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 10 (95). – С. 151–159.
10. Червонюк, В. И. Пределы имплементации решений ЕСПЧ и феномен диффузии европейского (международного) права // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 12. – С. 63–68.

REFERENCES

1. Blankenagel' A. «Proshchai, Sovet Evropy!» ili «Sovet Evropy, davai pogovorim!?»: Kommentarii k Postanovleniyu Konstitutsionnogo Suda Rossii ot 19 aprelya 2016 goda ob ispolnimosti postanovleniya ESPCh po delu Anchugova i Gladkova ot 4

iyulya 2013 goda [«Farewell, Council of Europe!» or «The Council of Europe, let's talk!?»]: Commentary on the Resolution of the Constitutional Court of Russia of April 19, 2016 on the enforceability of the ECHR Resolution on the case of Anchugov and Gladkov dated July 4, 2013]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2016, no. 6, pp. 135–150.

2. Zor'kin V. D. Konstitutsionnaya identichnost' Rossii: doktrina i praktika [Constitutional identity of Russia: doctrine and practice]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 2014, no. 4 (58), pp. 1–18.

3. Varlamova N. V., Vasil'eva T. A., eds. *Internatsionalizatsiya konstitutsionnogo prava: sovremennye tendentsii* [The Internationalization of Constitutional Law: Current Trends]. Moscow: Inst. of St. and Law of the Russian Academy of Sci. Publ., 2017. 224 p.

4. Kovler A. I. Sootnoshenie evropeiskogo i natsional'nogo prava – obostrenie problemy [The ratio of European and National Law – the aggravation of the problem]. *Rossiiskii ezhegodnik evropeiskoi konventsii po pravam cheloveka* [Russian yearbook of the European convention on human rights]. Moscow, 2015, pp. 19–64.

5. Kokotov A. N. O nekotorykh izmeneniyakh zakonodatel'stva o Konstitutsionnom Sude Rossiiskoi Federatsii [On some changes in the legislation on the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 2014, no. 5 (59), pp. 15–19.

6. Mavrin S. P. Resheniya Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka v pravovoi sisteme Rossii [Decisions of the European Court of human rights in the legal system of Russia]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 2015, no. 6 (48), pp. 1–6.

7. Rainer A. *Constitutional identity in European constitutionalism*. Available at: http://www.constcourt.md/public/files/file/conferinta_20ani/programul_conferintei/Rainer_Arnold.pdf (accessed 11 November 2018).

8. Troper M. Behind the Constitution? The Principle of Constitutional Identity in France. Sajo A., Uitz R., eds. *Constitutional Topography: Values and Constitutions*. Oxford: Oxford University Press, 2010, pp. 187–202.

9. Umnova-Konyukhova I. A. Sovremennoe ponimanie predmeta konstitutsionnogo prava v usloviyakh binarnogo razvitiya vnutrigosudarstvennogo (natsional'nogo) i mezhdunarodnogo prava [Modern understanding of the subject of Constitutional Law in the conditions of binary development of National and International Law]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2018, no. 10 (95), pp. 151–159.

10. Chervonyuk V. I. Predely implementatsii reshenii ESPCh i fenomen diffuzii evropeiskogo (mezhdunarodnogo) prava [The limits of implementation of ECtHR decisions and the phenomenon of diffusion of European (International) Law]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2017, no. 12, pp. 63–68.